

Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ.

*Я—братъ на земль встѣмъ живущимъ,
И въ жизнь отошедшимъ иную,
И, полонъ мгновеньемъ бѣгущимъ,
Присутствіе вѣчности чую*
Алексѣй Жемчужниковъ

25 Марта въ Тамбовѣ умеръ Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ ¹⁾.

Въ жизни и творчествѣ Жемчужникова рѣшающее значеніе имѣли великія реформы шестидесятыхъ годовъ. Великая эпоха застала его человѣкомъ уже зрѣлымъ. Въ 1858 г. онъ оставилъ службу, чтобы „мыслить и чувствовать“—какъ онъ говоритъ въ своей автобіографіи,—„съ большей свободой и независимостью“.

„Въ первый періодъ моей жизни“—говоритъ онъ,—„я, быть можетъ, многое проглядѣлъ изъ того, что происходило вокругъ меня; но то, что до меня доходило, оцѣнивалось мною по достоинству. Я продолжалъ мѣрить людей и дѣла мѣрою сохранившихся въ полной чистотѣ и неприкосновенности моихъ идеаловъ. Врожденная отзывчивость не дала душѣ моей заглухнуть“... Но „самое лучшее время моей жизни было пребываніе мое въ Калугѣ вскорѣ послѣ выхода въ отставку. Тогда разрѣшался крестьянскій вопросъ. Я почитаю себя счастливымъ, что былъ свидѣтелемъ освобожденія крестьянъ въ Калужской губерніи, гдѣ тогда былъ

---

¹⁾ А. М. Жемчужниковъ родился въ 1821 году и въ 1841 году окончилъ только что основанное Училище Правовѣдѣнія. Онъ служилъ сначала въ Сенатѣ, затѣмъ въ Государственномъ Совѣтѣ, принималъ участіе въ сенатскихъ ревизіяхъ. Въ 1858 году вышелъ въ отставку.

губернаторомъ мой товарищъ по училищу и другъ Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ, женатый на моей сестрѣ. Великое дѣло имѣло огромное вліяніе на русское общество. Оно вызвало и привлекло къ себѣ большое количество друзей и труженниковъ. Новые люди являлись повсюду, и общество росло умственно и нравственно безъ увеличенія по днямъ и по часамъ. Недавніе чиновники и владѣтели душъ преобразались въ доблестныхъ гражданъ своей земли... Хорошее было время!—Тогда же Жемчужниковъ сблизился съ обществомъ писателей и со многими лучшими представителями сороковыхъ годовъ.

Жемчужниковъ писалъ въ „Современникѣ“, „Отечественныхъ Запискахъ“, а въ позднѣйшее время главнымъ образомъ „въ Вѣстникѣ Европы“. Собраніе его стихотвореній появилось въ 1892 году; второй сборникъ „Пѣсни старости“ вышелъ въ 1899 году; съ тѣхъ поръ они выдержали нѣсколько изданій, печатавшихся однако безъ перемѣнъ, почему въ нихъ и не вошли всѣ стихотворенія, написанныя послѣ половины 1900 года, среди которыхъ есть много замѣчательныхъ; они появились главнымъ образомъ въ „Вѣстникѣ Европы“.

„Обстоятельства жизни“—пишетъ Жемчужниковъ въ автобіографіи—„отражались на моихъ литературныхъ занятіяхъ“: оцѣнку своей литературной дѣятельности онъ далъ въ извѣстномъ стихотвореніи „Завѣщаніе“.

Межъ тѣмъ какъ мы въ разбродѣ стезею жизни шли,

На знаніе средь толпы наткнулся я ногою.

Я подобралъ его, лежавшее въ пыли,

И съ той поры несу, возвысивъ надъ толпою.

Девизъ на знамени: „Духъ доблести храни“.

Такъ воинъ рядовой за честь на бранномъ полѣ

Я, счастливъ и смущенъ, явился въ наши дни

Знаменоносцемъ по неволѣ.

Но подвигъ не свершенъ, мнѣ выпавшій въ удѣлъ,—

Разбредшуюся рать сплотить бы воедино..

Названье мнѣ дано поэта-гражданина

За то, что я одинъ про доблесть пѣсни пѣлъ,

Что былъ глашатаемъ забытыхъ старыхъ истинъ,

И силенъ былъ лишь тѣмъ, хотя и старъ и слабъ,

Что въ людяхъ рабскій духъ мнѣ сильно ненавистенъ

И самъ я съ юности не рабъ.

Послѣднія мои уже уходятъ силы.

Я дѣлалъ то, что могъ; я больше не могу.

Я остаюсь еще предъ родиной въ долгу,

Но да проститъ она мнѣ на краю могилы.

Я жду, чтобы теперь меня смѣнилъ поэтъ,

Въ которомъ доблести горѣло-бъ ярче пламя,

И принялъ отъ меня незнавшее побѣдъ,

Но незапятнанное знамя.

О какъ живуча въ насъ и какъ сильна та ложь,

Что духъ достоинства есть будто духъ крамольный!

Она—нашъ древній грѣхъ и вольный, и невольный;

Она—народный грѣхъ отъ черни до вельможъ.

Тамъ правды нѣтъ, гдѣ есть привычка рабской лести,

Тамъ искалѣченъ умъ, душа развращена...

Приди; я жду тебя, пѣвецъ гражданской чести!

Ты нуженъ въ наши времена.

И всю жизнь оставался Жемчужниковъ вѣрнымъ носителемъ идеаловъ шестидесятихъ годовъ. Крѣпостная неправда и другія общественныя неурюстройства находили у него безпощадную оцѣнку. Глубокая любовь Жемчужникова къ людямъ знала негодование къ злу и здоровый юморъ Кузумы Пруткова.

Не этотъ однако экзотерическій духъ доблести и гражданственности составляетъ главное у Жемчужникова. Главное для него—это религія.

Внѣ духа жизнь есть зло и ложь!

Не ограждайся гранью тѣсной,

Огней духовныхъ не туши,—

Свободомысліе совмѣстно

Съ религіозностью души.

Блюди же зорко, чтобъ въ отчизнѣ

Не гасъ духовный пламень жизни!

Вотъ въ чемъ выразился *весь* Жемчужниковъ, въ чемъ вполне высказалось его отношеніе къ жизни и къ творчеству. Творчество его въ своихъ основныхъ leitmotif'ахъ религиозно.

Жемчужникову доступны глубочайшія исотерическія переживанія. Вотъ стихотвореніе съ эпиграфомъ изъ евангелія Іоанна „Духъ идѣ же хочетъ, дышетъ“.

Всесилень и благостень Духъ, исходящій отъ Бога
 Не мѣрой даетъ Онъ Его.
 Но Духъ своевластенъ; даруетъ Онъ избраннымъ много,—
 Другимъ не даетъ ничего.

—
 Есть въ мірѣ пустыни, забытыя благодію Духа
 Пустыни для чувствъ и ума.
 Тамъ слово благое звучитъ боязливо и глухо;
 Тамъ властна духовная тьма.
 Какъ чахнуть на грубыхъ земляхъ благородныя зерна,
 Но сильно растутъ плевелы;
 Такъ въ этихъ пустыняхъ, гдѣ вѣетъ неправда тлетворно,
 Тѣ сильны, кто лживы и злы.

—
 О еслибъ у насъ времена слѣпоты и гордыни
 Смѣнила сознанья пора,
 Тогда бы предстало намъ зрѣлище нашей пустыни
 Безъ думъ, безъ любви, безъ добра.

—
 Духъ дышетъ, гдѣ хочеть; но въ людяхъ есть сила при-
 зыва
 Просите Его и Онъ дастъ.
 Лишь только бѣ молитва была горяча и правдива,
 Призывъ былъ настойчивъ и часть.

—
 Разбудимъ отзывчивость въ сердцахъ сухомъ и холодномъ,
 Изъ камня добудемъ огня,
 И въ скорби о разумѣ праздномъ и дѣлѣ бесплодномъ
 Помолимся, сердцемъ стена.

—
 Ты дышешь, гдѣ хочешь, о Духъ, призывающій къ жизни!
 Дай жизни познать намъ пути;
 Любви, правосудья и свѣта дай нашей отчизнѣ!
 Дохнуть на нее захоти!

Безчисленными, неразрывными нитями связанъ Жемчужниковъ съ христіанскимъ храмомъ и православнымъ бого-
 служеніемъ, которыя благодатно настраиваютъ его, „чтобъ
 съ духомъ приходитъ въ общенье“,—какъ говоритъ онъ въ
 одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ стихотвореній „У выход-
 ной двери“, которое не вошло въ собраніе его произведе-

ній и напечатано въ „Вѣстникъ Европы“ за 1904 годъ. Вотъ это стихотвореніе:

Мнѣ дальше некуда идти
Живую душу въ брennomъ тѣлѣ
Я по житейскому пути
Донесъ до крайней въ жизни цѣли
И сталъ у двери выходной
Изъ міра здѣшняго въ иной.

Стою и думаю... И странно!
Чуть слышенъ здѣсь мірской мнѣ шумъ;
Вся жизнь какъ бы въ дали туманной;
А все же къ ней влеченье думъ
И не о смерти, а невольно
О жизни думается дольной.

Не зная и здѣсь, что встрѣтитъ насъ
Когда за дверь мы эту выйдемъ!
Пространства, скрытаго отъ глазъ
За горизонтъ вѣдь мы не видимъ;—
Такъ и уму съ иныхъ сторонъ
Опущенъ свыше небосклонъ.

Но духъ изъ той страны незримой
Нисходитъ къ намъ, какъ свѣтъ во тьму;
И онъ, благой, не вѣетъ мимо
Лишь былъ бы доступъ данъ ему,
Какъ въ думы высшаго подъема,
И въ обиходъ вседневный дома.

Такъ солнце, пламенный очагъ
Тепла и свѣта для вселенной,
Податель мощныхъ силъ и благъ,
Всемирной жизни стражъ безсмѣнный—
Оно же шлетъ утѣху мнѣ
Игрою бликовъ на стѣнѣ.

Чтобъ съ духомъ приходите въ общенье
Меня настраиваетъ храмъ
Какъ хорошо, въ часы моленья,
Мнѣ съ юныхъ лѣтъ бывало тамъ!

И не угасъ тотъ пылъ съ годами;
И я молиться буду въ храмъ,—

Покуда пѣвчихъ слышу хоръ
Колоколовъ внимаю звону
Пока мой различаетъ взоръ
Христа священную икону
И служить мнѣ предъ ней пока
Для крестныхъ знаменій рука.

Сухія рѣчи сердцу нѣмы;
Но полны думъ и полны слезъ
Богослужебныя поэмы
Во дни, когда страдалъ Христось;
И сердце чуткое не глухо
Къ живымъ рѣчамъ живого духа.

Въ мечтахъ теперь все чаще Онъ
Мнѣ видится въ вѣнцѣ терновомъ
И въ багряницу облаченъ;
И размышляю я надъ словомъ,
Которое тогда изрекъ
Толпѣ Пилать: „се чловѣкъ“.

Средь смертныхъ съ смертными несхожіи,
Парящій духомъ къ небесамъ
Сынъ чловѣческой, сынъ Божій,—
•Такъ называлъ себя Онъ самъ,
Когда Онъ въ міръ изъ Назарета
Несъ свѣточъ Новаго Завѣта.

И съ той поры любовь легла
Въ основу нравственнаго зданья
И обуздавала силу зла
Духовной силой состраданья...
О внимли старцу, молодежь!
Внѣ духа жизньъ есть зло и ложь!

„Не ограждайся гранью тѣсной,
„Огнейъ духовныхъ не туши;
„Свободомысліе совмѣстно
„Съ религіозностью души.

„Блюди же зорко, чтобъ въ отчизнѣ
„Не гасъ духовный пламень жизни!“

Мой край родимый! Онъ тебя
Вознаградить за всю потерю...
Но предъ разлукой съ нимъ, скорбя
И повторяя: вѣрю! вѣрю!
Порой я шлю мольбу ему
Помочь невѣрью моему...

И вотъ межъ тѣмъ, какъ чередою
Проходятъ дни, я въ тишинѣ,
Одну бесѣду за другою
Веду съ собой наединѣ;
И мой досугъ такъ будетъ занятъ
Доколь мнѣ силъ на это станеть.

Къ разлукѣ съ тѣломъ не готовъ,
Я все жилецъ земли покуда.
Молчить еще за дверью зовъ
Пока не выкликнуть оттуда
Мнѣ внятно очередь мою,—
Я здѣсь въ раздумьи постою.

Январь 1904 г.
Тамбовъ.

Невозможно перечислить всѣ стихотворенія, въ которыхъ отразилась живая, внутренняя связь Жемчужникова съ храмомъ. Эта связь проникаетъ все его творчество, стихотворенія же виѣшнимъ образомъ, открыто съ нимъ связанныя, относятся ко всѣмъ періодамъ жизни Жемчужникова, начиная отъ самыхъ раннихъ и кончая послѣдними годами. Первое изъ стихотвореній, вошедшихъ въ собраніе, и относящееся къ 1851 году есть „Притча о стѣпелъ и стѣменахъ“. Къ 1854 году относится „Прощаніе Іоанна съ Патмосомъ“. Въ стихотвореніи „Ранняя весна“, написанномъ въ 1891 г., Жемчужниковъ автобіографически утверждаетъ, что онъ „не растратилъ духовнаго наслѣдства“ и „горитъ прежнимъ пламенемъ“. Къ позднѣйшему времени относятся его „Прелюдіи къ прощальнымъ пѣснямъ“, „Прежде и теперь“, „Звуки старины далекой“, „Ожиданіе“ и многія другія стихотворенія такого же характера.

Знаменосецъ гражданской доблести, вдохновенный глашатай обновленія общественнаго, Жемчужниковъ видѣль въ этомъ обновленіи средство оживленія духовной жизни. Внѣ жизни духовной жизнь матеріальная положительной цѣнности для него не имѣеть; внѣ духа одну ее онъ называетъ „зломъ“, „ложью“, „призракомъ жизни“ и „жизнью подложной“. Написанная въ 1868 году прекрасная поэма „Сны“ заканчивается слѣдующимъ эпилогомъ:

На свободную мысль и на правду святую
 Ополчается темное зло,
 И порой я грущу, безнадежно тоскую;
 На душѣ тяжело...

Осквернились умы словомъ лживымъ и празднымъ,
 И,—падению нашему радъ,
 Раствѣваетъ намъ духъ своимъ старымъ соблазномъ
 Закоснѣлый развратъ.

Гаснутъ свѣта лучи... Ожидаю тревожно
 Поглощенія страшною тьмой,
 И пугаетъ меня призракъ жизни подложной
 Больше смерти самой.

И я вѣру зову: съ нею въ мірѣ яснѣе;
 На земномъ многотрудномъ пути.
 Среди бурь подъ грозой намъ отраднѣе съ нею
 Бремя жизни нести;

Вѣру въ правду, въ добро, въ помощь силы любящей,
 Въ неизбѣжность разумныхъ побѣдъ;
 Вѣру въ жизненный духъ, непрестанно-творящій
 И въ немеркнущій свѣтъ...

Разумъ, движущій міръ! Духъ всесильный и вѣчный!
 Въ общей жизни участие намъ дай!
 И, народы ведя къ тайнамъ цѣли конечной,
 Разрушай! Созидай!

У Жемчужникова есть стихотвореніе, посвященное памяти Владиміра Соловьева:

Покорно несъ онъ жизни бремя
 Но не отъ міра былъ сего,
 Тотъ вышій міръ манилъ его,

Гдѣ вѣчность заслонила время.

Мыслитель, вдумчивый пѣвецъ,
Благой искатель правды Божьей,
Онъ на землѣ былъ не жилецъ,
А вдаль стремившійся прохожій.

Святымъ восторгомъ окрыленъ
Онъ шель безъ устали и скоро,
И вѣсть пришла, что скрылся онъ
За грань земного кругозора.

Почти такимъ же *прохожимъ* на землѣ всю свою жизнь сознавалъ себя и Жемчужниковъ, который и про себя самого говорилъ:

Я—братъ на *землѣ* всѣмъ живущимъ
И въ жизнь отошедшимъ *иную*
И полонъ мгновениемъ бѣгущимъ
Присутствіе вѣчности чую.

Надзвѣздные слышны мнѣ хоры
И стону морскому я внемлю
И къ небу возносятся взоры
И падаютъ слезы на землю.

Чуткой душой слышалъ Жемчужниковъ, какъ

На поверхности земной
Струится токъ живого духа
Незримъ тѣлесной слѣлотой
И нѣмъ для чувственного слуха.

Онъ говорилъ:

Неумолкая пѣснь свою поеть
Весь міръ про жизнь, которою онъ дышетъ
И тотъ блаженъ, кто слушаетъ и слышитъ,

и самъ слушалъ великую пѣснь жизни, и пѣснь эта была ему понятна. Понятно и намъ поэтому, что Жемчужниковъ при всей пламенной любви къ родинѣ могъ говорить:

Не изъ одной любви къ моей отчизнѣ
Иль думъ предъ сценой міровой,—
Мнѣ просто жить хотѣлось бы для жизни,

ибо жизнь для Жемчужникова не была жизнью только матеріальной. *Только—матеріальная* жизнь была для него, какъ мы видѣли, лишь призракомъ жизни. Жизнь пережи- валась Жемчужниковымъ во всю доступную ему мѣру ея христіанской богочеловѣческой концепціи. Такъ относился онъ къ жизни юридической и экономической, такъ же смо- трѣлъ и на явленія внѣшней природы, среди которой онъ, какъ самъ говорить о себѣ,—„не то гуляетъ, не то ходить на богомолье“.

Вотъ, напримѣръ, стихотвореніе „Святая пора“, — тихая пора прозрачной осени. Природа—это храмъ вселенскій, „въ немъ богослуженіе до ночи съ утра“.

Лишь съ долинъ росистыхъ волны еиміама
Возлетятъ навстрѣчу утренней зари,
Для молитвъ открыты на просторѣ храма
Всюду алтари.

На холмѣ высокомъ, и подъ скромной ивой,
И въ лугу безмолвномъ, гдѣ стоятъ стоги,
Алтари повсюду, гдѣ благочестиво
Остановить путникъ взоры и шаги
Паутиной чистой серебрятся жневыя;
Нивы въ изумрудный облеклись нарядъ;
Какъ паникадила, стройныя деревья
Золотомъ горятъ...

Богомъ именуемый, о, великій Зодчій!
Осенью прозрачной, въ сельской тишинѣ
Ты передъ природою, мнѣ съ любовью Отчей
Снял съ очей завѣсу и открылъ ихъ мнѣ.
И твой храмъ я вижу просвѣтленнымъ взоромъ,
Храмъ, гдѣ вѣчно службы въ славу Бытія;
И духовнымъ слухомъ слышу пѣнье хоромъ:
Аллилуія!

Или вотъ другое стихотвореніе.

Лѣто, пора уборки хлѣба,
Пора въ поляхъ работы страдной
Садилось солнце, меркло небо
И вѣтерокъ подулъ прохладный.
Ужъ бабы съ граблями толпою
Ушли съ оконченной работы,

И ихъ напѣва подь горою
Чуть слышны таюція ноты.

Ушли крестьяне молчаливо,
А между тѣмъ ужъ солнце сѣло,
Когда покинутая нива
Еще не вовсе опустѣла.

Въ телѣгѣ кормить мать ребенка
Отецъ и мальчикъ расторопный
Ужъ запрягли,—но лошаденка
Туда все тянется, гдѣ копны,

И вдругъ надъ этой кучкой
Надъ скуднымъ бытомъ темныхъ міра
Зажглись огни зари вечерней
И развернулася порфира...

Я ихъ узрѣлъ съ ихъ нищетою,
Съ ихъ видомъ кроткимъ и усталымъ,
Парчей убранныхъ золотою,
Среди лучей подъ сводомъ алымъ.

И мнилось мнѣ, что съ небосклона
Въ юдоль труда и воздыханья
Сошла явленная икона
Въ вѣнцѣ небеснаго сіянья.

Не случайностью являются поэтому и религиозныя сравненія, которыми такъ любить пользоваться Жемчужниковъ, когда говоритъ о томъ, что любить, чему сочувствуетъ. Великія реформы шестидесятыхъ годовъ представляются ему *храмомъ*, который былъ воздвигнутъ *благочестивыми* руками.

Благочестивыми воздвигнутъ былъ руками,
Какъ благолѣпный храмъ, Россіи новый строй
Предъ алтаремъ служилъ тотъ дѣятель былой
И вѣрующихъ сонмъ тѣснился въ этомъ храмѣ.

Вспоминая одного изъ видныхъ дѣятелей освобожденія крестьянъ, Виктора Антоновича Арцимовича, Жемчужниковъ говоритъ, что это была

Передъ святынею добра
Неугасимая лампада.

Міросозерцаніе Жемчужникова не было результатомъ старости или какой-либо изолированности отъ жизни. Старость не дала новыхъ мотивовъ для творчества Жемчужникова. Въ ней свѣжо и интенсивно сказалось только то, чѣмъ онъ жилъ и духовно питался всю свою жизнь. Что же касается изолированности, то Жемчужниковъ никогда не былъ изолированнымъ отъ явленій текущей общественной жизни, а, напротивъ того, всегда находился у главнаго ея русла.

Де самыхъ послѣднихъ дней нельзя было вѣрить, говорить лично знавшій Жемчужникова Н. В. Давыдовъ, что „онъ перешелъ восьмидесятилѣтній возрастъ. При малѣйшемъ оживленіи его глаза блестѣли, какъ у юноши, красивое лицо свѣтилось умомъ, благодушіемъ и, отражая душевныя свойства, благородствомъ“¹⁾.

Несмотря на старость, Жемчужниковъ могъ поэтому говорить о себѣ, что его пѣсни, хотя и „завѣтъ предсмертныхъ думъ „являются въ то же время „трепетомъ радостнымъ души еще живучей.“ Въ чуткомъ сердцѣ его были живы впечатлѣнія и дверь ума открыта свѣту настезь.

Тишина покоя и всѣ шумы,
Жизнью наполняющіе землю,
Злоба дня и вѣковыя думы,
Смѣхъ и плачъ людскіе—я вамъ внемлю

Въ чуткомъ сердцѣ впечатлѣнья живы,
Дверь ума открыта свѣту настезь...

Ты лишь, смерти призракъ молчаливый,
Отойди немного,—ты мнѣ застишь!

— Писалъ онъ однажды, чувствуя приближеніе смерти.
Но смерть долго щадила его благородную жизнь.

Многочисленныя гражданскія стихотворенія Жемчужникова неразрывно связываютъ его съ тѣмъ движеніемъ по обновленію юридическому и экономическому, которое началось великими реформами Императора Александра II,—настолько тѣсно, что Жемчужниковъ въ старости могъ называть себя знаменосцемъ великой эпохи. И тѣмъ не менѣе

¹⁾ Н. М. Давыдовъ. Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ (Московской Еженедѣльникъ, 1903 г. № 17).

не эта сторона его дѣятельности останавливаетъ на себѣ главное вниманіе.

Главное у Жемчужникова живой синтезъ того, что есть положительнаго въ позитивной общественности, съ живымъ религіознымъ чувствомъ въ свѣтѣ религіи христіанскаго богочеловѣчества.

Принявъ глубоко, цѣльно и безраздѣльно идеалы общественнаго обновленія, Жемчужниковъ жилъ, состарился и сошелъ въ могилу человѣкомъ глубоко религіознымъ, который подобно Ньютону снималъ при взглядѣ на небо духовно свою шляпу и, находясь на высотѣ современныхъ знаній, могъ повторять слова Пастера „я много знаю и поэтому вѣрю, какъ бретонскій крестьянинъ“.

Говорять, что наше время есть время дифференціаціи обществовѣдѣнія отъ другихъ прилегающихъ областей знанія. Право и экономика начинаютъ представляться современному человѣку, какъ самостоятельныя реальности, которыя онъ изучаетъ для того, чтобы научиться ими пользоваться. Въ области религіозной новое отношеніе къ общественности части приводитъ къ кризису. Не укладываясь въ религіозное сознаніе недостаточно развитыхъ въ религіозномъ отношеніи людей, оно гаситъ въ нихъ остатки религіознаго чувства. Нѣкоторыя общественныя теоріи по соображеніямъ часто демагогическимъ возводятъ даже такое угашеніе въ принципъ.

Тѣмъ больше значеніе людей, которые въ свѣтѣ христіанства объединили въ себѣ живое религіозное чувство со всѣми положительными приобрѣтеніями позитивнаго обществовѣдѣнія,—которые и въ сферѣ общественной могутъ словами Өомы Кемпійскаго молиться: „Da mihi, Domine, scire, quod sciendum est“:—вѣдь „разумѣти законъ помысла есть благо“...

Къ числу такихъ людей принадлежалъ Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ.

П. И. Астровъ.
